А. А. Чертыкова

ХАКАССКО-АЛТАЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(история взаимосвязей)

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

А. А. Чертыкова

ХАКАССКО-АЛТАЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (история взаимосвязей)

Абакан
2011

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос5)
Ч505

Печатается по решению Редакционно-издательского совета ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

Рецензенты: ***В. А. Карамашева,*** доктор филологических наук, профессор ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»;
Н. Л. Кольчикова, кандидат педагогических наук, доцент ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

Чертыкова, Анна Алексеевна
Ч505 **Хакасско-алтайские литературные связи в системе взаимодействия литератур народов Российской Федерации (история взаимосвязей)** / А. А. Чертыкова. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2011. – 160 с.
ISBN 978-5-7810-0724-0

В монографии на основе анализа хакасско-алтайских литературных связей рассматривается история взаимодействия данных литератур в контексте их взаимосвязей с русской литературой. В ней теоретически обосновывается положение о самобытности и ценности культуры каждого народа, в том числе алтайского и хакасского. На материале алтайской и хакасской поэзии XIX и XX вв. рассматривается проблема национальных и инонациональных художественных традиций и новаторских исканий, определивших жанровые и идейно-стилевые особенности в эволюции многообразных типов и форм взаимодействия рассматриваемых литератур.

Ценным для региональной литературы является исследование творчества дореволюционного писателя, основоположника письменной хакасской национальной литературы И. М. Штыгашева, возвращение имени незаслуженно забытого поэта И. Е. Ерошина, находившегося вне научного внимания литературоведов Хакасии. В аспекте аналогии дается оценка литературного творчества общественных деятелей С. Д. Майнагашева и И. С. Чорос-Гуркина, в новом прочтении предлагается анализ диалога литератур в плане межлитературного контекста творческих индивидуальностей хакаса М. Р. Баинова и алтайца Б. У. Укачина.

Издание адресовано широкому кругу читателей: специалистам-литературоведам, преподавателям, аспирантам, студентам, учителям школ и ученикам, интересующимся вопросами литературоведения и культурологии.

ISBN 978-5-7810-0724-0

© ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2011
© Чертыкова А. А., 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
Глава 1. ГЕНЕЗИС ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ХАКАСИИ И АЛТАЯ КАК ДИАЛОГ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР С ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЭПОХИ: К ИСТОКАМ БИЛИТЕРАТУРНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ 12
Глава II. ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ХАКАССКО-АЛТАЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ 22
2. 1. Типология художественно-эстетического своеобразия творческого опыта И. М. Штыгашева и Г. И. Чорос-Гуркина 22
2. 2. Инонациональный аспект: тема Хакасии и Алтая в русской литературе 56
Глава III. ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД: МЕЖЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ 20–80-х ГОДОВ XX ВЕКА 77
3.1. Особенности становления национальных литератур в 20–50-е годы XX века..... 77
3.2. Литературные связи Хакасии и Алтая в 60–80-е годы XX века: художественный мир поэтов-современников М. Р. Баинова и Б. У. Укачина 86
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 139
Примечания 143
Библиографический список..... 150

Глава II.
ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ХАКАССКО-АЛТАЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

2.1. Типология художественно-эстетического своеобразия творческого опыта И. М. Штыгашева и Г. И. Чорос-Гуркина

Первые ростки современной письменности, литературного языка и письменной национальной литературы Хакасии и Алтая появились до Октябрьской революции. Так называемый эмбриональный период ее развития связан с творчеством Ивана Матвеевича Штыгашева (1861–1915), замечательного самородка, талантливого публициста и лингвиста, владевшего шорским, сагайским и алтайскими наречиями тюркского языка. С этого имени следует, на наш взгляд, начинать отсчет становления хакасско-алтайских литературных взаимосвязей дооктябрьского периода двух братских народов Южной Сибири.

Если придерживаться периодизации тюркоязычных литератур Сибири, предложенной алтайским литературоведом Н. М. Киндиковой, то следует сказать, что развитие взаимоотношений двух народов начали устанавливаться с III периода. Характерными особенностями дореволюционной литературы являются следующие. Прежде всего, к ним относятся наличие первых образцов лирической поэзии, которые были созданы во второй половине XIX – начале XX века. Ссвоеобразие этого периода состоит и в том, что алтайцы М. В. Чевалков, Г. И. Чорос-Гуркин, шорец (хакас) И. М. Штыгашев творили на двуязычной основе – на родном и русском языках. Это говорит о том, что уже с самых истоков произведения национальной литературы создавались на двух языках. Билингвизм был характерен литературе и письменной культуре двух народов изначально. Специфической чертой указанного периода является и то, что художественное творчество первых авторов отличается богатством жанрового разнообразия: лиро-эпические жанры сменялись дидактической поэзией, автбиографические повести и путевые очерки сосуществовали с эпистолярным жанром и со стихотворением в прозе и т. д. И, наконец, еще одна безусловная особенность периода: литературное наследие пер-

вых творцов одновременно принадлежит трем народам – алтайцам, хакасам, шорцам.

Личность И. М. Штыгашева, шорского священника-миссионера, просветителя и переводчика, прекрасно владевшего русским литературным языком, сегодня хорошо известна и на Алтае, и в Горной Шории. Его имя по праву внесено в историю национальных литератур двух братских народов, издавна живущих по соседству. Первые сведения о И. М. Штыгашеве как об одном из ранних алтайских писателей встречаются в работах Н. А. Баскакова, Л. П. Потапова. Хакасскому же читателю его имя после длительного забвения становится известным лишь после публикаций о нем, появившихся относительно недавно [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Литературоведы Хакасии, к сожалению, еще не занимались вплотную изучением творчества этого самобытного писателя. Большая заслуга в восстановлении имени Ивана Матвеевича Штыгашева принадлежит алтайским литературоведам Б. Я. Бедюрову, Н. М. Киндиковой. Алтайский литературовед Б. Я. Бедюров замечает, что «имя Ивана Матвеевича Штыгашева не упоминается в «Очерках Истории Хакасской советской литературы» (1985) ни как писатель, ни как просветитель, ни тем более как священник. А между тем он начинал свою деятельность значительно раньше, нежели более известные и знаменитые его земляки Н. Ф. Катанов и С. Д. Майнагашев» [7, с. 380].

В связи с этим Б. Я. Бедюров еще в 1994 году обратился с письмом к Председателю Верховного Совета Республики Хакасия В. Н. Штыгашеву. В нем поднимается проблема «возвращения в национальную литературу после длительного периода забвения имени и творчества И. М. Штыгашева», в частности, в этом документе указывается огромная роль и непреходящее значение хакасского просветителя в собирании материалов и составлении «Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В. И. Вербицкого, ставшего классическим трудом и вошедшего в золотой фонд тюркологии. Эта и другие работы В. Н. Штыгашева не оценены потомками по сей день, так же как не оценено значение его переводов на шорский и сагайский языки христианских произведений как образцов языка прошлого. В свете этих неоспоримых данных нуждаются в научном и общественно-политическом пересмотре и переосмыслении хронологические параметры разработки хакасской письменности и появление письменной литературы хакасского народа. Первая книга на хакасском языке появилась не в 1926–1928 годах, а значительно раньше, а именно в 1868 году, когда в Санкт-Петербурге параллельно на двух языках – хакасском и немецком – вышел второй том (первый, на алтайском языке издан в 1866 г.) «Образцов народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи» [7, с. 381].

Собиранием и исследованием творческого наследия предшественников Б. Я. Бедюров занимался более 15 лет. Вот что он писал: «...Изучение новых, ни разу с тех пор не переиздававшихся за весь 110-летний период записок И. М. Штыгашева, позволит убедительно расширить представление о нем как о фигуре, объединяющей собой, своим жизненным и творческим подвижничеством три современных народа – алтайцев, хакасов и шорцев. По отцу из шорцев, мать – сагайка, он явился алтайским писателем, равно как и хакасским, и шорским...» [7, с. 382].

Таким образом, до настоящего времени в истории алтайской литературы упоминалось имя одного писателя-просветителя Михаила Васильевича Чевалкова (1817–1901), стоявшего у истоков ее зарождения. В конце XX в. стали известны и имена И. М. Штыгашева и ранее репрессированного известного алтайского художника-мыслителя, общественного деятеля Григория Ивановича Чорос-Гуркина (1870–1937). Художественное мышление этих писателей основывалось на фольклоре, а их мировоззрение формировалось на стыке языческого и христианского религиозных начал, т. к. первоначальное их образование – духовное: они учились в миссионерской школе. М. В. Чевалков и И. М. Штыгашев выбрали путь священников, Г. И. Чорос-Гуркин сначала работал иконописцем, затем учителем в миссионерской школе, лишь позднее стал профессиональным художником.

Рассматриваемый период интересен еще и тем, что из малочисленных коренных народов выдвигаются первые интеллигенты, отличившиеся не только творческой одаренностью, но и плодотворной общественной деятельностью. Позволим небольшое отступление для освещения этого важного вопроса в контексте общей логики данного исследования. В те годы народности Сибири не различались по этническим признакам, так как проблемы алтайцев, шорцев, хакасов, тыва и саха народов были едиными. Все они были обеспокоены будущей судьбой родного народа. Яркое тому свидетельство – взаимоотношения алтайца Г. И. Гуркина и хакаса С. Д. Майнагашева, которые обернулись длительной дружбой (1910–1920 гг.). Они мечтали объединить алтайцев и хакасов (в то время енисейских киргизов), урянхайцев как близких по языку, быту, хозяйственной деятельности, историческому прошлому и образовать единую губернию с общей национальной Думой. Эти мысли горячо приветствовались профессором Г. Н. Потаниным,[1] корифеем сибирской общественной мысли, пламенным патриотом Сибири, для которого было присуще уди-

---

[1] Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) – российский исследователь Центральной Азии и Сибири. В 1863–99 (с перерывами) совершил ряд экспедиций на озеро Зайсан, в горы Тарбагатай, в Монголию, Туву, Северный Китай, Тибет, на Большой Хинган; открыл (совместно с М. В. Певцовым) Котловину Больших Озер. Совместно с женой – А. В. Потаниной (1843–93) – собрал ценные этнографические материалы.

вительно проникновенное чувство единения и братства со своими согражданами, представителями угнетенных племен. Он видел и хорошо понимал глубокое и внутреннее единство культур этих народов не только между собой, но и во взаимосвязях с русской народной культурой. Он мужественно отстаивал свою позицию, отличающуюся антирасистской и антинационалистической направленностью. Несмотря на упорное стремление опорочить его взгляды, замолчать непреходящую ценность его трудов, жизнь доказала правоту взглядов Г. Н. Потанина и его сподвижника Н. М. Ядринцева.

Г. И. Чорос-Гуркин был вольнослушателем Петербургской Художественной Академии, обучался в мастерской известного художника И. И. Шишкина (весной 1898 года он умер на руках своего лучшего ученика прямо возле мольберта во время работы). Начальные навыки живописи, как уже упоминалось ранее, он получил в Улалинской иконописной мастерской, обучаясь в местной миссионерской школе. Первую художественную выставку Г. И. Чорос-Гуркин проводил в 1907 году в г. Томске, где его картины были высоко оценены. В местном журнале «Нева» был дан отклик на его выставку, в котором алтайский художник назван «первым в Сибири пейзажистом». Последующие выставки проходили в таких городах, как Красноярск, Иркутск, Барнаул, Москва. В своих творческих работах он стремился показывать необыкновенную красоту родной земли («Кан-Алтай», «Озеро горных духов», «Катунь» и др.) и жизнь алтайского народа («Камлание шамана», «Свадьба», «Погребение шамана», «Слово миссионера» и др.). В творчестве художника значительное место занимала этнографическая тематика, эта сфера интересов еще больше сближала национальных лидеров двух народов. В блокноте художника, хранящемся в госархиве г. Томска, имеется карандашный портрет единомышленника с надписью: «Майнагашев Степан Дмитриевич. 21 августа, 1918 г. Сиблоблдума. Гостиница «Россия» [8].

Имя известного алтайского художника Г. И. Чорос-Гуркина в силу сложившихся исторических обстоятельств не известно было до 60-х годов XX столетия. Причиной тому явилось обвинение его в «национализме» и расстрел в суровые годы репрессий (11 октября 1937 года), как и многих других (С. Д. Майнагашев был расстрелян в 1920 г.). В 1957 году он посмертно реабилитирован. Однако земляки долгое время не осмеливались писать о Г. И. Чорос-Гуркине: о нем мешали говорить и писать страх и привычка оказаться в числе «националистов». И лишь в 60-е годы о Чорос-Гуркине заговорили как о ярком и самобытном художнике. Большую научно-исследовательскую работу по его творчеству развернул искусствовед В. И. Эдоков, труды которого получили широкую известность [9, 10, 11]. В 80-е годы XX века Г. И. Чорос-Гуркин был признан талантливым литератором, поэтом. (Об этом подробнее см. ниже). И, на-

конец, в 90-е годы, когда стали доступными архивные материалы, о нем стали писать как о народном мыслителе, защитнике народных интересов.

Прежде всего, Г. И. Чорос-Гуркина с С. Д. Майнагашевым (1886–1920), верным сыном хакасского народа, который был одним из первых представителей хакасской интеллигенции, свела общественно-политическая деятельность. Вначале С. Д. Майнагашев являлся вольнослушателем Томского университета (1910 г.), затем он оканчивает Московский народный университет Шанявского. Успешно овладевая университетскими курсами, С. Д. Майнагашев проявил склонность к научно-исследовательской работе.[1] Одновременно с учебой в Московском университете он прошел в частном порядке этнолого-лингвистическую подготовку у известных востоковедов Л. Я. Штернберга и А. Н. Самойловича. Последний стал фактически его научным руководителем. Впоследствии он высоко оценил научные труды молодого хакасского ученого [12, 13, 14, 15, 16, 17, 18]. По поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в 1913–1914 годах С. Д. Майнагашев совершает поездки в Хакасию для сбора историко-этнографических, лингвистических материалов и антропологических исследований.

Большую исследовательскую работу по изучению материалов о выдающейся личности ученого-тюрколога проводил хакасский этнограф А. Н. Гладышевский. Первые его публикации о С. Д. Майнагашеве появились в 1991 году. Результатом научной работы исследователя явился обширный очерк о жизни и деятельности С. Д. Майнагашева, опубликованный в 1999 году [19]. Впервые после долгих лет забвения (80 лет после расстрела без суда и следствия) общественность узнала на пороге XXI века о реабилитации С. Д. Майнагашева. Один из лучших представителей первой хакасской интеллигенции, он был ярким правозащитником коренного народа, дальновидным мыслителем, ученым-тюркологом, собирателем хакасского фольклора и начинающим писателем, которому не суждено было состояться в силу тех же известных исторических событий.

В Институте русской литературы Санкт-Петербурга хранятся лингвистические и фонографические записи (50 валиков) религиозного содержания, призывания духов, шаманские камлания, собранные С. Д. Майнагашевым. Кроме этого, здесь хранятся записи 50 песен, легенд и большое количество афоризмов воспитательного характера, по-

---

[1] Этому во многом, как он писал, «способствовало мое знакомство с Г. Н. Потаниным, его работы, также личные с ним разговоры» (Майнагашев С. Д. Об устных литературных произведениях у Минусинских инородцев. АЛОИЭ. Фонд 142, Опись 2, Дело 33, л. 6, 7, 8). Потанин ранее помогал опубликовывать статьи авторам из Аскиза – Н. И. Каратанову «Черты внешнего быта качинских татар» и Н. Попову «Поверья и некоторые обычаи качинских татар». Первая научная работа будущего хакасского ученого Н. Ф. Катанова (тогда еще гимназиста) «Описание шаманского бубна и костюма сагайского шамана» была опубликована Г. Н. Потаниным в его работе «Очерки Северо-Западной Монголии».

словиц и поговорок. Эти записи, собранные исследователем во время научных поездок на родину, литературоведами еще не рассматривались и не оценивались [20, 21].

После окончания университета С. Д. Майнагашев возвращается домой и много работает над обработкой историко-этнографических материалов, собранных им во время экспедиций. Результатом напряженного труда ученого стали публикации в научных сборниках и периодической печати ряда его работ по проблемам шаманизма [22, 23]. Так, С. Д. Майнагашев опубликовал сагайскую сказку «О купеческом сыне и боярском сыне» в приложении к журналу «Живая старина», которая была напечатана на сагайском диалекте с переводом на русский язык. Эта сказка была записана исследователем со слов Корсака Сунчугашева, жителя аала Иресов (откуда он сам был родом, позже «Иресов» стал его псевдонимом) [24]. А в сборнике Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при императорской Академии наук С. Д. Майнагашев опубликовал в 1916 году большую статью «Жертвоприношение небу у бельтыр» [25].

Кроме того, С. Д. Майнагашев находил время заниматься литературным творчеством: он автор двух пьес («Охота на медведя» и «Свадьба»), поставленных самодеятельными артистами на сцене в Аскизе [26]. Сюжет пьесы «Охота на медведя» основывался на сведениях, полученных от охотников, для чего автор специально ездил к ним в тайгу. По мнению А. Н. Гладышевского, культ медведя входил составной частью в шаманские представления. В хакасском языке слово «медведь» табуировано, слово «аба» означало также «отец», «старик», «дедушка». В разговорах об этом животном говорили иносказательно: теплая шуба, короткий хвост, тухлый нос. Медведь считался сородичем человека. Родственная близость с ним усматривалась в том, что медведь ходит на задних лапах, может поднимать камни, палки, его след напоминает след человека и питается он сходной пищей. Во избежание всякого рода бед люди всегда стремились выразить свое отношение к нему в целом ряде поверий, ритуалов и запретов, особенно во время охоты на него.

Аба-тес, овеществленный дух медведя-покровителя, являлся самым и распространенным и почитаемым тесом у хакасов. Изготовлялся Аба-тес из различных материалов, но с обязательным присутствием в нем или кусочка медвежьей шкурки, или когтей, или ноздрей, или кусочка дерева, изображающего лапу медведя. Аба-тес помещался в юрте над дверью и охранял вход в жилище. Периодически его «кормили» конским салом, пшеничной кашей, молоком, ягодами, корой черемухи, поливая обильно аракой. У кызыльцев хозяин юрты при обращении к Аба-тесу ревел по-медвежьи, просил его не сердиться и подносил тесу сковороду с горячими кусками сала.

Сведения, собранные С. Д. Майнагашевым о медвежьем культе, в яркой художественной форме были интерпретированы им в пьесе «Охота на медведя». Сам текст пьесы, видимо, безвозвратно утрачен, как и текст «Свадьбы». Однако след «Свадьбы», дающий общее представление о ее содержании, сохранился. Это либретто пьесы на русском языке, напечатанное в типографии Минусинска [27]. 7 июня 1915 года «Свадьба» была поставлена на сцене Минусинского театра, что стало заметным событием в культурной жизни города, о чем сообщала газета «Минусинский листок».

С. Д. Майнагашев стоял у истоков создания хакасской письменности. Первые попытки создания хакасской письменности принадлежали миссионерам (изначально И. М. Штыгашеву). Для печатания духовно-нравственной литературы они использовали церковно-славянский и русский алфавиты. Так, священник Усть-Есинской церкви Симеон Чисмочаков перевел на хакасский язык «Беседы готовящегося к святому крещению об истинном боге и истинной вере» и «Житие и страдания святомученика Киприана и Устина», изданные в 1899 году Томской типографией епархиального братства. Однако такая форма создания национальной письменности не могла передать фонетических особенностей хакасского языка.

С. Д. Майнагашев первым разработал алфавит хакасского письма «Тадар мичиги», состоявший из 24 букв: А, О, У, Ы, І, Б, П, Д, Т, S, Г, К, Х, Л, М, Н, N, Р, Ч, Ц, Э, О, Ю, И. Последние четыре буквы имели смягчение, краткость звука изображалась акстафом и имелся знак, означавший долготу гласных. При последующей работе по созданию хакасской письменности в ее основу был положен алфавит С. Д. Майнагашева.

Хорошо владея печатным и устным словом, С. Д. Майнагашев выступал и как лектор перед разной аудиторией по проблемам культурного наследия своего народа. В журнале «Сибирская школа», например, сообщалось: «Доклад С. Д. Майнагашева 2 апреля 1916 года. В доме Просвещения господин Майнагашев сделал свой интересный доклад «О религиозных верованиях минусинских инородцев». Речь сопровождалась демонстрацией картинок и голосовой импровизацией в подражание шаману. Доклад касался сущности шаманизма и его обрядовой стороны. Он был выслушан с большим интересом» [28].

Сложные социально-экономические условия жизни в Хакасии заставили его оставить научно-исследовательскую, литературную работу и активно включиться в правозащитную и общественно-политическую деятельность. Это и привело его к знакомству и дружбе с алтайским художником Чорос-Гуркиным. Надо полагать, единство взглядов двух прогрессивных представителей коренных южносибирских народов выражалось не только в обустройстве социально-экономических проблем Хакасии и Алтая, но и в общих интересах к неисчерпаемому наследию устного творчества своих народов, а также в личных творческих интересах одно-

го как поэта (Чорос-Гуркин), другого как начинающего драматурга (Майнагашев).

В ноябре 1919 года, когда начались репрессии, Г. И. Чорос-Гуркин отправляется через Монголию в Туву, а жизнь его друга на родине трагически обрывается: по ложному обвинению в апреле 1920 года он в тридцатичетырехлетнем возрасте был расстрелян [29]. Но следует добавить следующий факт: Г. И. Чорос-Гуркин, преданный идеям объединения и приобретения единой автономии двумя народами, вновь поднимает этот вопрос на съезде инородцев, состоявшемя в Минусинске 21–24 июня 1922 г., словно воплощая в дело завет своего друга. Для участия в съезде он приезжает из Тувы, рискуя быть арестованным в столь неспокойное время. И к 10 ноября того же 1922 года решение съезда было одобрено, а 13 ноября И. В. Сталиным подписывается указ о зарождении «Ойрот-Хакасской государственной единицы». Но в бюро ЦК ВКП (б) это решение окончательно не было одобрено вследствие поступивших в этот партийный орган ложных донесений. Но уже 31 января 1923 г. в Москве принято решение о создании на территории Горно-Алтайского уезда Автономной области. 14 ноября 1923 г. Президиум ВЦИК принимает решение о создании Хакасского уезда с центром пос. Усть-Абаканское. В 1924 году Чорос-Гуркин возвращается на Алтай, вскоре в 1926 (Москва) и 1927 (Томск) годах он принимает участие в крупных выставках картин. Продолжает он также активно заниматься литературным творчеством.

Таким образом, рассматриваемый период взаимоотношений двух представителей братских народов не только в общественно-политической, но и в области культурной деятельности положил зарождению такой формы взаимосвязи, как личные контакты. Активность личных контактов творческой интеллигенции народов Алтая и Хакасии будет иметь место и в послереволюционное время.

Вернемся к трем интересным фигурам второй половины XIX века, о которых выше нами было уже упомянуто в связи с вопросом о зачинателях письменной литературы алтайского и хакасского народов. Речь идет о М. В. Чевалкове, И. М. Штыгашеве и Г. И. Чорос-Гуркине.

О личности и литературном творчестве Михаила Васильевича Чевалкова достаточно сказано в работах алтайских исследователей С. С. Суразакова, З. С. Казагачевой, Н. М. Киндиковой, Б. Я. Бедюрова, Э. П. Чининой, поэтому нет необходимости в широком освещении творческого пути основоположника алтайской литературы.

Об именах И. М. Штыгашеве и Г. И. Чорос-Гуркине говорилось в статье «Слово о предтечах» Б. Я. Бедюрова, одного из первых попытавшихся по-новому истолковать зарождение алтайской литературы в контексте с древнетюркской литературой, а также других литератур народов Центральной Азии. С ними во все века исторического существования

происходили ареальные контакты и прочное взаимодействие, чему способствовал определенный уровень билингвизма представителей рядом живущих народов [30, с. 125]. Отталкиваясь от этих мыслей, можно также проследить упрочение этногенетических корней и становление уже современных письменных литератур со второй половины XIX – начала XX веков.

Как известно, до этого времени национальная литература алтайского и хакасского народов существовала в устном виде. Точнее, устная поэзия у этих двух соседних народов долгое время заменяла письменную литературу. И, когда настало время вернуться к письменности через церковную (духовную) литературу, в народе просыпается та жажда творения, которая проявилась в произведениях таких собо одаренных личностей, как М. В. Чевалков, И. М. Штыгашев, Г. И. Чорос-Гуркин. Собирая родной фольклор, приобщаясь к православной литературе, они ощутили потребность самостоятельного творчества. Не случайно М. В. Чевалков начинает свои сочинения с повествования о себе, затем в его творчестве появляются басни и поэмы, поучительные и нравоучительные стихи. И к концу творчества он снова возвращается к тому жанру, с которого начинал, – автобиографической повести.

По всей вероятности, И. М. Штыгашев был знаком с «Памятным завещанием»[1] М. В. Чевалкова, изданным в Казани. Хакасский автор почти повторил, точнее, продолжил в своих произведениях опыт алтайского товарища по перу. Конечно, здесь уже заметно влияние и иноязычной духовной литературы. Сначала И. М. Штыгашевым был написан очерк «Путешествие алтайца в Киев, Москву и ее окрестности» (Казань, 1884), затем появилось жизнеописание под названием «Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеева Штыгашева» (Казань, 1885), затем публиковались его «Записки» (отчеты о миссионерской деятельности за 1894, 1896, 1900, 1906, 1915 годы и др.).

Поскольку личность этого миссионера малоизвестна широкому кругу хакасского читателя, то есть смысл аналитически обозреть его значительные произведения не в порядке их издания, а по хронологии событий, изображенных в них, или, точнее говоря, в том порядке, как он осваивал грамоту, интересовался учебой в миссионерской школе, учился в духовной семинарии, в училище и т. д.

«Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеева Штыгашева» – автобиографическая книга, изданная в Казани в 1885 году. На титульной странице указывается, что произведение «дозволено цензурою к печатанию 4 декабря 1884 года». Повество-

---

[1] «Памятное завещание» было напечатано в 1894–1896 гг. в церковных изданиях «Православный Благовестник», «Томские епархиальные ведомости».

вание в книге ведется от первого лица, судьба повествователя в нем – это судьба самого писателя. Автор подробно раскрывает свой жизненный путь. В первых строках своего повествования он пишет: «Я поступил в школу в 1877 году, 15 августа, 16 лет от роду. Родина моя на самой окраине между Восточной и Западной Сибирью, в улусе Матур, Кузнецкого округа, Томской губернии, Кондомско-Карачерской волости». Из сведений, в которых писатель рассказывает о себе, мы узнаем, что в его семье воспитывалось шесть братьев и три сестры, из которых в живых осталось пять братьев и две сестры.

Рассказ об истоках своего происхождения И. Штыгашев начинает с сообщения о своем дедушке, который был из «черновых кочевников и принадлежал к Кондомско-Карачерской волости, т. е. к шорцам. Кочуя по верховьям реки Мраса, в дремучем лесу, дедушка мой в начале нынешнего столетия с другими кочевниками разных волостей, по случаю голода, выбрался в пределы земледельческого пространства Восточной Сибири, а именно в Минусинский округ, и поселился на реке Матуре, вместе с коренными обитателями этой местности. Когда же случилось деление народов на округа, Кузнецкий и Минусинский, то дедушка мой с другими поселенцами отнесли себя к Кузнецкому округу, а другие обитатели Матура приписались в Минусинский округ, отсюда же Восточной и Западной Сибири». Все они в роду, начиная с деда, были крещеными. Автор пишет, что матурские жители того времени были очень темные, про «книжное учение» старики узнали недавно и то благодаря отцу его Матвея, который отправил своих сыновей в ближайшую миссионерскую школу, вызвав недовольство окружающих: «Русскими хотят быть: отеческую веру оставляют, из-за них Ульген[1] и на нас наметит свой гнев».

Один из первых исследователей Сибири Н. Ядринцев говорил о фактическом отсутствии образования среди алтайцев и других народов Сибири в рассматриваемый нами период. Существовали лишь миссионерские школы, в которых на первом плане было религиозное обучение, знание молитв, знакомство с церковной службой, обрядами. По мнению ученого, образцовой была Миссионерская школа в Улале (ныне Горно-Алтайск), где преподавание, богослужение велось на алтайском языке, молитвы переводились на язык коренного населения. После окончания школьного курса у алтайца был один путь – идти на службу в миссию. Ученый, говоря о недостатках образования и просвещения среди алтайского народа, пишет: «…между тем, мы видели здесь людей с выдающимися способностями» [32, с. 23]. Миссионерская школа, в чем мы убеди-

---

[1] Ульген (в кн. И. М. Штыгашева) – верховное, самое чистейшее божество, живущее вверху, в воздушном пространстве.

лись выше, давала основы и художественно-эстетического, и музыкального образования.

Первые буквы азбуки, основы пения молитв автор повествования узнает от брата Самсона, и у него появляется «страсть к учению», он пишет: «Желание учиться как червь точило мое сердце и как огонь жгло меня». Такими образными сравнениями выражает свои чувства повествователь, вновь выдавая свое художественное мастерство как рассказчика.

Гипербола «громада препятствий», который использует рассказчик, и сами такие преграды, которые он преодолевает, свидетельствует о неистребимом его желании учиться. В результате он получает благословление и помощь со стороны «добрейшего» брата Самсона, знавшего и ценившего грамоту: «...Я тебя отправлю к миссионеру, отцу Василию Вербицкому... Если научишься и будешь человеком, и братьев своих не оставишь во мраке невежества. Впрочем, во всем волен Бог, без Его благословления никуда не пойдешь: молись Ему и надейся на Его милосердие! Верь мне, и будем стараться для достижения нашей цели». Эпитеты «приятное волнение», «радостная весть», сравнения «надеялся на него, как на каменную стену», «неожиданная весть воссияла во мне, как утренние лучи солнца» передают необыкновенные возвышенные чувства героя произведения.

Сквозной темой всего содержания «Поступления...» является образ матери, который олицетворяет сыновнюю любовь к ней и одновременно преданность ей. Именно эти две любви противоборствовали в юноше: любовь к старой матери, которую предстоит оставить, и любовь к знаниям, просвещению, лучшей жизни. В свою очередь автор показывает и могучую материнскую любовь, используя разнообразные художественно-выразительные средства: «Она, не зная, каким образом остановить меня, стала искать мне невесту, уговаривая меня жениться»; «она сделается, как камень несокрушимый»; «мой отъезд в отдаленный край до такой степени поразил бедную мою мать, что она едва-едва могла встать с постели, проститься и благословить меня: тяжелая, безмолвная грусть душила ее. Никогда не забуду этой тяжелой минуты разлуки: мне, ни разу не бывавшему на чужой стороне, так грустно было, что я отроду не испытывал подобного рода душевного сокрушенья! Так же, как с матерью, равно тяжело было мне расстаться и с добрым братом Самсоном, которого я всегда считал и за отца, и за воспитателя своего».

Это особое почитание родителей, пожизненное внимание и любовь к ним является традиционной основой воспитания у тюркских народов, и вполне естественно, что эти национально-народные черты ярко представлены в анализируемом произведении И. Штыгашева. Всплеск эмоциональных обоюдных чувств сына и матери передают риторические восклицания: «Как мать жалеет своих детей и до какой степени больно ее

сердцу расставаться с этими детьми, это можно узнать из того, что после меня она в продолжение трех дней ничего не ела и ни с кем не говорила, а лежала в постели все эти три дня! Не могу вспомнить без слез о безнадежной грусти матери! Никогда он не забудет и полученное наконец благословление смирившейся матери: «Вставши с постели, она в потоке слез сказала мне несколько слов о том, что я ее очень немилосердно покидаю и что она будет терпеть крайнюю нужду; затем сказала: «Эзен пол, балам! (будь здоров, дитя мое!)» – «Кудаймын пол (с Богом!)». Не раз повествователь вспоминал родную мать и родные свои места во время своего нелегкого и опасного пути до улуса Кюзедей, где находилась заветная христианская школа.

Высоконравственный образ самого автора произведения видится не только в любви к матери, близким, предметам родного быта, но и в отношении к природе, родным местам. Художником слова умело вводятся в контекст повествования отдельные картины первозданной природы: «Версты три от нашего улуса начинается дремучий лес, в котором до улуса Кюзедеевского часто смешиваются хвойные деревья с лиственными и в котором встречаются открытые поляны. Из всех топей, славящихся по всему Кузнецкому округу, самая главная и достопамятная топь есть Матурская, по которой пролегала наша дорога вплоть до самой вершины Матура, до которой в первый день своего выезда мы не могли достичь. На другой день, с восходом солнца, мы добрались до того места, откуда река Матур, журча между камешками, берет свое начало, она же есть и одна из рек, составляющих деление между бассейнами Восточной и Западной Сибири. Постояв несколько времени на вершине Матура, я простился с ним с трепещущим от тоски и волнения сердцем». Горечь расставания с родными местами вновь тревожат патриотические чувства нашего героя.

Величественный образ родины передается изобилием олицетворений, метафорических эпитетов, сравнений, топонимической лексикой: «Вечером того же дня нам пришлось перевалиться через гору Калбык – одну из самых величайших гор, какие встречаются на пути до Кюзедея, с заоблачной вершиною. С вершины этого страшного перелома мне удалось еще раз найти некоторые признаки моей дорогой родины. Перед нашими взорами раскинулось необозримое пространство горных высот, представляющих морские волны. В пределах этой очаровательной картины виднелись самые отдаленные горные хребты, из которых, несмотря на свою отдаленность, особенно высовывала свою седую, то есть вечно снежную, голову наша соседка – Белая Сопка Каан-сын, что значит Царица, – представительница реки Абакана. Она, как на блюде, раскрывалась перед нами. Долго я стоял, не отводя от нее глаз и любуясь ее красо-

той. Отдав по образу языческому долг повиновения земным поклоном горе, мы удалились от места воспоминания о родине».

Так, день за днем описывает повествователь свой долгий путь, полный «страданиями», особенно тяжелыми после расставания с «добрым моим спутником»: «О, если б кто видел меня среди дремучего леса, как я, при замирающем от страха и тоски сердце, заливался самыми горючими слезами, не зная, куда ехать при встрече распутья! Как душно и как жарко казалось мне в воздухе. Но это было только начало моих страданий…» Далее читаем: «Дорога эта очень неудобна, сбивчива и опасна: на ней грязь, камни, огромные перевалы и темные кедровые леса, где особенно любят водиться медведи. Все это меня очень страшило, и я не знал, что мне делать и как быть». В эти минуты отчаяния путник приводил себя в уравновешенное оптимистическое состояние афористичными восклицаниями: «Но не назад же мне было ехать за неимением ружья от лесных зверей: семь смертей не бывает, а одной не миновать!», «прошлого не вернешь, надо думать о будущем!».

Монолог повествователя и героя произведения в одном лице заинтриговывает читателя. В нем мелькают мысли страха от «мертвой тишины», нарушаемой только моим криком», осуждение себя за то, что оставил, ослушался свою мать, чувство стыда перед братом за то, что не достиг желаемой мечты об учебе. Таковы противоречивые мысли, которые угнетали путешественника, проехавшего от дома более двухсот верст.

И вдруг автор использует прием лаконичного перехода от монолога к диалогу: «…наконец в отчаянии закричал: «Э, худай, мен хайдым?» (Господи, где я?). Вдруг по произношению этих слов, во мне заговорил другой, давно знакомый голос, чуть не произнося вслух следующие слова: «Учиться надо тебе – хорошим человеком будешь!» И этот внутренний спасительный голос избавляет героя от дурных мыслей и помогает ему завершить полный неимоверных страданий путь, приведший к исполнению его заветной мечты – учиться.

Следующий этап жизни героя – это период учебы в улусе Кюзедей, где он осваивает русский язык и другие учебные курсы. Успешная учеба после полугода была омрачена клеветой, наговором на него как беглеца из дома, якобы не желающего помогать близким, отчего все домашние терпят нужду. Здесь ему помогает вновь здравомыслие и, вероятно, те христианские основы воспитания, в соответствии с которыми библейская заповедь призывает к смирению и терпению во всем.

Далее И. М. Штыгашев, автор произведения, дает пояснение по поводу своей национальной особенности: «Хотя в г. Казани я ношу имя алтайца, но это на самом деле совсем не так…я по своему происхождению шорец». Этим он еще раз подчеркивает автобиографичность повествования и верность своим национальным истокам.

Необыкновенно яркими красками описывается впервые увиденное зрелище крестного хода неподалеку от Кузнецка, оставившего в его душе неизгладимое впечатление. Образные эпитеты: «церковное шествие», «огромная масса народа», «торжественный с перебором звон колоколов», «блестящие, шитые золотом, ризы духовенства, мундиры городских властей», «необыкновенное зрелище» – вызывают у читателя «особенное состояние» «благодатного церковного торжества» от увиденного. И вот год спустя он возвращается по тому же пути домой, но уже с чувством радости и счастья. Здесь автор, используя прием контраста, показывает другие чувства, волнующие героя: «сладостное чувство», «приятное нетерпение» и под. Описание родных мест изобилует образными эпитетами: «прекрасные широкие луга, поросшие зеленой травой», «виднелся бедный поселок». Возвышенные чувства героя усиливаются с приближением к родным местам: «Сердце мое при виде родины трепетало и билось, как птичка в клетке. Еще несколько минут, и мы выехали в нашу поскотину[1]». Теплая встреча с матерью и братьями вызвали слезы радости у нашего героя. Здесь рассказчиком вновь применяется прием контраста: вспомним, что в начале повествования были слезы горечи от расставания с родными местами.

Далее автор пишет: «…во мне еще более возросла ревность к учению», «между мною и братом вновь возобновилось прежнее рассуждение об учении грамоте: теперь предметом наших бесед сделался Алтай (Алтайское миссионерское Улалинское центральное училище). Спустя полгода его мечта осуществилась, Отец Василий Вербицкий верен своему слову и обещался взять его с собой в январе на Алтай на собрание отцов миссионеров в селе Улале (главный стан Алтайской миссии).

И вновь следует повествование о трудном горном пути, сопровождавшемся вьюгой, метелью, сугробами. Рассказчик – блестящий мастер слова: он умеет всматриваться в красоты природы и передавать их читателю. Внимательный зоркий взгляд его увидел с высокой горы «чудную картину со стороны достославного Алтая: начиная с подошвы этой горы, поверхность земли была усеяна на огромное пространство маленькими холмиками, которые со своими темнеющими промежутками и белеющими при блеске зимнего солнца поверхностью представляли подобие морских волн или, лучше сказать, разноцветного, разостланного ковра. Но более всего меня поразила на дальнем небосклоне гора Бабырган, которая возвышается перед другими горами так величаво, как богатырь пред карликами, служа оконечностью этого небольшого пространства». В ито-

---

[1] Поскотина – огороженное изгородью пастибище (выгон) для скота, который непосредственно прилегает к деревне и обычно тянется на несколько верст.

ге юноша 18 декабря 1878 года поступает в Миссионерское Улалинское центральное училище.

И, как бы он далеко ни был от родных мест, чувствуется, как у Ивана присутствует национальная гордость, достоинство и самолюбие: ему не хотелось терять исконное название шорца: «Так как я приехал из Кузнецкого округа, то воспитанники Улалинского училища прозвали меня *Иваном Кузнецким,* в Кузнецке звали *Иваном Сагайским,* в Казани *Иваном Алтайцем,* и хотя бы раз кто назвал меня где-нибудь *Иваном Шорцем*!» «Значит, я как шорец более не существую!» – с горечью восклицает он.

«Поступление…» И. Штыгашева написано в жанре автобиографического очерка. Свидетельством этому служит, как мы видим, не только поэтапное повествование о личной жизни, но и рассказ об окружающих его людях, об интересных встречах в его нелегком жизненном пути, наличие достоверных описаний увиденных им мест, комментарии об их наименованиях, истинность которых не вызовет сомнения ни у одного местного этнографа.

Особый интерес вызывает описание особенностей образовательной системы Улалинского училища конца XIX века. Автор подробно называет корпуса, где живут и учатся воспитанники, штатных работников – в основном из числа священнослужителей, правила и режим учебных занятий; он перечисляет программные предметы, куда входят Закон Божий, арифметика, русский язык, родиноведение, рисование и краткий курс русской истории. Учебной программой предусмотрен и труд, основой которого являются хозяйственные работы. В книге подчеркивается демократичность и высоконравственность системы воспитания, в которой отсутствуют наказания, при необходимости же основным способом «приведения в чувства» воспитанников являются «кроткие увещания и внушения». «Такое воспитание и отеческая заботливость наставников естественно должны развивать в питомцах самое беззаветное повиновение старшим и самое почтительное обращение с ними»,– подчеркивает повествователь.

По воскресеньям с учениками проводились увлекательные информационные беседы нравоучительного характера, к примеру, Отец Макарий читал поучительные статьи. Чтение чередовалось пением духовных стихов и церковных нотных песнопений. «Прекрасный хор в Улале, каких немного и в России, состоит большей частью из инородческих мальчиков и девочек, сам регент тоже инородец, алтаец, знающий отлично ноты, как цифирные, так и линейные. Вот как могущественно и животворно бывает слово Божие в руках смиренных, ревностных, опытных и настойчивых людей, каковы алтайские миссионеры!» – пишет автор «Поступления…»

Действительно, из стен училища вышло немало выдающихся людей, и среди них нужно назвать таких, как М. Чевалков, Г. Гуркин, хакасский

поэт П. Штыгашев (племянник И. М. Штыгашева), стоявший у истоков современной письменной литературы. Об этом в свое время говорил и Н. Ядринцев, только он ошибочно считал, что в дальнейшем выпускников ожидает один путь – служителя миссии. История же свидетельствуетет, что широкие дороги открывались питомцам, желающим обучаться дальше. Улалинское училище – это стартовый путь для художников, музыкантов, поэтов, общественных деятелей, ученых. Имена самих наставников, ставших позже учеными, народными правозащитниками, литераторами, лингвистами и т. д. служит тому подтверждением. Это В. Вербицкий, М. Глухарев, Г. Оттыгашев, М. Эдоков, И. Штыгашев, Г. Чорос-Гуркин и многие др.

«Поступление…» И. Штыгашева завершается повествованием о том, какой свет, разум и руководство к жизни получает герой произведения, обучаясь в Улалинском училище, а также о том, как, вернувшись окончательно домой с мыслями о дальнейшем образовании, включается он в омут борьбы за уничтожение порочной жизни матурцев: темноты и невежества, шаманизма и пьянства. «Живя в недре таких безнравственных наклонностей и пороков, я до поступления в училище ничего худого в поведении моих земляков не замечал. Но когда я приехал с Алтая, то нашел поразительную противоположность между ними и Матуром», – пишет автор произведения, выражая мысли своего героя.

Как видим, перед нами предстает образ самого автора произведения, повествующего о своем жизненном пути к просвещению. Рассказ об этой нелегкой дороге красной нитью проходит через все произведение – о дороге-символе, приведшей рассказчика к свету, добру, высоким, нравственным жизненным ориентирам. Образ повествователя – это образ человека, который благодаря огромной силе воли сумел сформировать в себе необыкновенные качества жизне- и человеколюбия и который всю свою дальнейшую жизнь посвятил просвещению единородцев посредством Божьего слова, повышению их общей культуры, коренному изменению жизни родного народа.

В оценке художественного мастерства рассказчика – автора художественного произведения следует отметить сильные и слабые стороны. Не имея творческого опыта в прозе, в жанре автобиографического очерка автор в хронологической последовательности, эпизод за эпизодом повествует о событиях, связанных с личной биографией. Он реалистично показывает повседневный быт, приводит достоверные факты. Удачны, но фрагментарны портреты других героев, подробны и эмоциональны пейзажные зарисовки, описания увиденных зрелищ, событий, а также психологический портрет повествователя как главного героя произведения. Автор сосредоточил творческие усилия на изложении подлинных событий, но не сумел прийти к индивидуализации характера. Помимо этого,

излишний этнографизм, подробности картин быта, образа жизни единородцев не дали ему возможности подняться до широких обобщений и выводов.

Как художественное произведение «Описание...» обладает и рядом достоинств: оно отличается глубоким содержанием, несмотря на излишне подробное повествование; выразительны используемые им языковые средства (об этом мы говорили выше); в произведении видны характерные особенности очерка: в нем называются подлинные имена изображаемых лиц, рисуются действительные, а не вымышленные места событий, указываются точные даты, поднимаются социальные проблемы, волнующие автора, предлагаются пути их решения.

Все сказанное приводит нас к следующим выводам:

- «Поступление...» И. М. Штыгашева – это одно из первых художественных произведений зарождающейся письменной хакасской национальной литературы, созданное на русском языке;
- автор произведения – подающий большие надежды талантливый двадцатитрехлетний молодой человек, продемонстрировавший свой первый, но достаточно удачный опыт литературного творчества;
- И. М. Штыгашев проявил незаурядные лингвистические способности в освоении трех языков в очень короткие сроки: шорского, алтайского и русского;
- хорошее знание русского языка и обширный словарный запас позволили ему вполне реализоваться как русскоязычному автору.

В училище Алтайской духовной миссии И. Штыгашев проявил себя прилежным учеником. Обладая хорошим голосом, он пел в церковном хоре, играл на различных музыкальных инструментах. В училище тогда работал один из первых тюркологов, этнограф и лингвист, имя которого уже называлось в «Поступлении...», – В. И. Вербицкий, который обучал инородческих детей закону божьему, русской грамоте и церковному пению. Он порекомендовал И. Штыгашеву поступать учиться в Казанскую учительскую семинарию, где молодой человек вскоре и оказался. В семинарии он также был в числе лучших учеников. Директор семинарии, известный ученый Н. И. Ильминский, предоставил ему возможность в сопровождении иеромонаха Иоилия совершить в 1884 году поездку по святым местам России. О посещении Киево-Печерской лавры, Воскресенского монастыря И. Штыгашев подробно рассказал в другом своем произведении «Путешествие алтайца в Киев, Москву и ее окрестности» (Казань, 11 сентября 1884 г.)

«Путешествие...» написано в жанре путевого очерка в форме дневниковых записей. На первой странице мы видим обращение к «преподобному и достоуважаемому Отцу Иоилию» со словами безмерной благодарности за организацию и руководство в поездке по главным святы-

ням России: Киево-Печерской лавры; Первопрестольного града Москвы, Сергиевой Лавры; Воскресенского монастыря, именуемого Новым Иерусалимом, и Саввы – Звенигородского монастыря со скитом. Дневниковые записи восстанавливают картины увиденного автором во время путешествия из Казани в Киев, Москву и ее окрестности в период с 23 августа по 5 сентября 1884 года (на основании дат дневниковых записей). Сам же автор пишет: «Я отправился из Казани 9 августа (1884 года), возвратился обратно в Казань 7 сентября…» [33, с. 116].

Москва второй половины XIX столетия была центром Российского православия, и, безусловно, она своим великолепием поразила воображение молодого воспитанника учительской семинарии из Казани, по происхождению шорца из Сибири. Его аналитический ум, невольно сопоставляя Сибирь и Казань с видами Москвы, делал вывод: «Поистине Москва – рассадник православия, любви и христианского духа, у нас об этом только говорят, а я видел на деле». На территории Кремля Иван-семинарист был в восторге от Царь-пушки и Царь-колокола. Большое впечатление произвели на него Красная площадь и собор Василия Блаженного, другие столичные достопримечательности.

В один из дней пребывания в столице он стал свидетелем крестного хода. Шествие двигалось из Кремля по Никольской улице. «Что за поражающая картина! Прежде всего, раздается звон колоколов, потом несут по обеим сторонам улицы хоругви. Нигде бы я не увидел таких богатых и роскошных хоругвей, они поражают меня своим богатством. Золото, камни и жемчуг блистали на них», – восклицает он [34, с. 195].

В его памяти осталось глубокое впечатление от посещения библиотеки, собранной патриархом Никоном, в которой хранились рукописные пергаментные книги. По правилам того времени высокопоставленные особы после осмотра оставляли свои подписи в книге посещений. «В этой книге отец Иоиль расписался, помянув и мое имя, что мы посещали эту обитель», – пишет автор очерка.

С искренним и восторженным чувством автор описывает посещения храма Христа Спасителя, Воробьевых гор: «Отсюда действительно очаровательная картина представляется глазам, смотря с них на Москву, долго я не отводил глаз своих, любуясь поразительным видом царствующего града Москвы» [35, с. 209].

Не вдаваясь в детальный анализ произведения, хочется обратить внимание на двухнедельное пребывание автора в путешествии и на то, что на пятый день по приезде (к 10 сентября 1884 года) произведение было уже готово к публикации – это невероятно, но факт! Это еще и еще раз подтверждает необычайный талант самородка, величайший его ум, чувство слова и огромное трудолюбие И. М. Штыгашева, который во время путешествия находил время все обстоятельно записывать и обра-

батывать свои «Записки». С позиций сегодняшнего дня, с высоты современного уровня нашего историко-культурного мышления мы должны видеть ценность этих произведений не только в религиоведческом плане, но и как выдающихся памятников, как первых произведений хакасской письменной литературы и как памятник всего творческого наследия первых национальных писателей, к которым по праву необходимо отнести И. М. Штыгашева.

После окончания Казанской учительской семинарии в 1885 году его назначили на службу в Матурский приход, который являлся самым отдаленным станом Алтайской духовной миссии. В состав прихода, кроме русских селений, входило семь небольших улусов, в которых проживало около 500 шорцев, и одиннадцать улусов, где проживало 1500 сагайцев. Эти одиннадцать улусов административно входили в состав Минусинского округа, то есть Хакасии. Поэтому Матурский приход формально отчасти мог считаться и хакасским.

Глава Алтайской духовной миссии епископ Макарий создал первый алтайский букварь, напечатанный в Петербурге в 1866 году. А Иван (Иоанн) Штыгашев перевел его на шорский диалект, который был издан в Казани в 1885 году. Вот что он пишет: «По приезде своем из путешествия, я скоро составил Букварь на своем шорском наречии, который мы и отпечатали вместе со Словарем, составленным помощником начальника алтайской Миссии протоиереем В. Вербицким на алтайско-аладагском языке» [36, с. 116]. Отец Николай Катанов, священник Усть-Есинской церкви (старший брат Н. Ф. Катанова), получив букварь от И. Штыгашева, перевел его на сагайский диалект. С помощью букваря обучение хакасских детей грамоте пошло более успешно.

Знание русского, шорского и алтайского языков уже в первом же году обучения в духовной учительской семинарии позволило деятельному молодому человеку опубликовать свои первые переводы. Он пишет: «Вместе с начатием учения я принялся за печатание священной истории Ветхого и Нового Завета, которую я переложил на свое шорское наречие с алтайского языка в Рифской пустыне[1], и к Рождеству Христова отпечатал; кроме того, с русского языка переведена была мною на шорское наречие еще одна книжка под заглавием: «Указание пути в царствие небесное», ее я отпечатал после святок; и, наконец, весной до ваката было отпечатано мною 4-й выпуск жития святых на алтайском языке» [37, с. 100–101].

Рассматривая творческий период И. М. Штыгашева, касающийся 80-х годов XIX в., следует отметить, что личная жизнь писателя полна горечи. В 1881 году умирает его старая матушка, которую он безмерно лю-

---

[1] Рифская Богородицкая общежительная пустынь – местечко в 30 верстах от Казани, где проводил летние каникулы И. Штыгашев по причине далекого жительства родных.

бил. В это же время ушла из жизни жена брата Иосифа. В связи с учебой в дальних местах И. Штыгашев не смог быть на похоронах. И вот по завершении последнего года учения не стало и родного брата Иосифа, вновь нет возможности выехать на родину. В горестном отчаянии он создает стихотворение на шорском диалекте, которое по эмоциональной окраске сравнимо с плачем (публикуется впервые в переводе на русский язык, в сокращении):

Рожденный-взращенный в одном гнездовье со мной!
Теперь не увижу тебя, возвратившись домой.
Тоскуя, смогу ли смириться с утратой такой?
О брате горюя, мне боль в груди не унять...
От горя, страдая, сумею ли сладить с собою?
А как бы хотелось, добравшись в родные края...
Спокойный и ласковый голос услышать опять...
Но только туда отправился бедный мой брат,
откуда никто не находит дороги назад.
Хочу я теперь поскорей возвратиться домой –
останкам твоим поклониться, единственный мой.
И вот расстаюсь-прощаюсь с Русской землей –
торопит меня, понукает горе-беда...
По белому свету, сколько ни будешь ходить –
только отца дорогого нигде не найдешь.
В чужой стороне, сколько ни будешь бродить –
только матери милой не обретешь... [38. с. 15–16]

(Перевод Н. Ахпашевой[1])

В жанре плача, протяжного причитания видится перекличка с надгробными эпитафиями эпохи древнетюркской культуры. Нечто подобное надгробной эпитафии ему действительно пришлось изваять после смерти близкого друга по семинарии алтайца Моисея Орочинова. На надгробной плите он высекает собственной рукой авторскую надпись, прощальный привет Алтаю от лица усопшего на русском языке:

Алтай золотой,
Прости, дорогой!
Будь счастлив, родной!
Господь над тобой!

Поэтические выражения невосполнимой утраты по близким людям возникает у творческого человека не случайно. Как бы ни обращался он в христианскую веру, в какой бы степени ни происходил религиозный пе-

---

[1] Полный перевод стихотворения впервые осуществлен хакасским переводчиком Н. М. Ахпашевой в апреле 2008 г., само произведение извлечено из кн.: Штыгашев, И. М. Поступление в училище и продолжение учения шорца /алтайца [Текст] / И. М. Штыгашев. – Казань: Изд. иеромонаха Иоиля, 1885. – 116 с.

релом, тем не менее, исконная древняя генетическая приверженность к обычаям, традициям своего народа вспыхивает, как искорка, в критические моменты жизни человека.

Находясь в Казани, вдали от родных, И. Штыгашев осознает тяжесть утраты, но в то же время по-новому оценивает значение родины. Потому он мечтает скорее закончить учебу и вернуться домой, сопровождая свои мысли и чувства такими словами: «Нет дороже родной земли, нет ближе родных мне людей». В первом стихотворении преобладают элегический мотив, грусть, жгучая тоска по родной стороне. Стихотворение «Плач по брату» являет собой факт первого письменного образца шорской, равно как и хакасской лирической поэзии дореволюционной поры.

Все рассмотренные выше произведения созданы И. М. Штыгашевым в последний год учебы в Казани, который можно назвать периодом взлета его творческих и интеллектуальных способностей, из которого мог бы получиться как самобытный писатель, так и не менее самобытный поэт. Но мысли о сыновнем долге перед своим народом – помочь ему выбраться из потемок отсталой жизни, показать ему путь лучшей жизни, который он видел в просвещении, посредством обращения инородцев в христианство – занимали все его время. Поэтому по окончании семинария по возвращении в родные Матурские места он видел себя священником и учителем одновременно. Всю свою неуемную энергию И. Штыгашев отдает обучению грамоте детей, борьбе против беспробудной темной жизни единородцев.

В 1888 г. в Матуре была построена небольшая церковь. В 1889 г. в связи с успешной миссионерской деятельностью О. Макарий направляет О. Иоанна в отдаленный Кондомский церковный приход. Здесь его плодотворная миссионерская деятельность продолжалась в течение пяти лет. Владея хорошим пером, он рассказал о ней в следующих своих публикациях: «Записки кондомского миссионерского священника И. Штыгашева за 1894 год» [39], «Записки миссионера Кондомского отделения Алтайской миссии священника Иоанна Штыгашева за 1895 год» [40].

«Записки» за 1884 год обнаружены и хакасским этнографом А. Н. Гладышевским в каталоге библиотеки Минусинского музея (книжка XVIII издана типографским способом в 1894 году в Омске Западно-Сибирским отделом императорского русского географического общества), под номером 12475 значится: И. Штыгашев «Предания инородцев Кузнецкого округа о сотворении мира и первого человека». Автор дает пояснительную сноску следующего содержания: настоящий очерк есть один из вариантов на тему о сотворении человека и мира по понятиям Западносибирских инородцев, которых можно встретить у Г. Н. Потанина, В. И. Вербицкого и др. Это свидетельствует о том, что И. Штыгашев был знаком с трудами этих ученых, но, судя по данной публикации, не-

известно, по какой причине он интересовался и собирал фольклорный материал единоверцев для Западно-Сибирского географического общества: по заказу ли , по просьбе ли чьей-то, либо по собственному желанию (выяснение этого – проблема историков). Но нам важно другое: это один из образцов создания художественного текста по сюжету, услышанному с первых уст.

Причем интересен и увлекателен сам сюжетный вариант о сотворении человека и мира, записанный И. Штыгашевым. Анализ записанного им предания – это ценный исследовательский материал для фольклористов, литературоведов, этнографов. Нам же интересны сказочное повествование, образы Бога и Сатаны (Айны), символизирующие вечные понятия добра и зла, представленные в предании как старший и младший братья. Увлекательно читаются страницы о сотворении человека из глины, жизнь которого была в прямой зависимости от Бога, нарушение божьих заповедей несет наказание и грех. Здесь мы находим немало сходства с известным библейским сюжетом о сотворении Адама и Евы, но в то же время обнаруживаем много различного, переложенного на инонациональный материал: приношение первыми людьми Богу дани, пренебрежение ведущей роли женщины, ослушание первыми людьми заветов бога и наказание их, появление разноязыких народностей. Словом, данное «Предание…» может обогатить национальную литературу, ее фольклор, современный раздел духовной литературы школьных учебников по литературе, материалы этого произведения можно использовать в рамках изучения курса диалога культур.

«Записки миссионера Кондомского отделения Алтайской миссии священника Ивана Штыгашева за 1895 год» [40] представляют собой очередной отчет перед епархией. В ней повествуется о том, как священник, несмотря на сопротивление, обращал в христианство местных инородцев из самых отдаленных волостей. К примеру, здесь подробно описывается, как нелегко было уговорить принять крещение восьмидесятипятилетнюю вдову из аила Шалымы, «которая всю свою жизнь провела в строгом соблюдении всех языческих обрядов и шаманского суеверия…, избегала встречи со священниками», а также о том, как нелегко было окрестить «некрещеных инородцев аила Торгачака». По всему видно, что И. Штыгашев – тонкий психолог, соблюдающий такт и индивидуальный подход в достижении своей цели. Вот что он пишет: «В сущности, эти инородцы нас очень уважали и даже любили, но, как бы то ни было, вдруг переменить свою религию на какую-то плохо понимаемую им христианскую веру – дело нелегкое. Оно, действительно, так и должно быть, ибо вдруг расстаться со всеми теми привычками и религией, в которых человек родился и вырос, в высшей степени тяжело, особенно тому, кто не был посвящен в это таинство постепенно. Старое должно изглажи-

ваться из сердца годами и то при постоянном упражнении в новом положении. И так многолетние наши труды над возделанием этих бедных инородцев даром не пропали».

«Самый выдающийся случай», о котором пишет в «Записках» И. Штыгашев, произошел с ним в аиле Кашкино в процессе крещения шаманки Паяк, 70 лет от роду, которая в придачу сдала священнику и свой бубен. Приходилось бороться и со старообрядцами, раскольниками, состоящими из четырех семей, самовольно поселившихся «ниже устья Антропа по реке Кондом». И. М. Штыгашев, ратуя за просвещение людей, с сожалением пишет «о недостаточном количестве школ в этих местах и о преобразующей их роли: «...в таком громадном отделении существует только одна Кондомская школа... существование школы, где бы то ни было, составляет первый рычаг, дающий движение как умственному, так и нравственному направлению народа. Хорошо бы иметь хоть подвижную школу, сообразно кочевой жизни инородцев». Иоанн Штыгашев по итогам этого года обратил в христианскую веру 930 человек! Поистине это неимоверно тяжелый и титанический труд, в котором проявились во всей силе выдержка и воля человека, несущего (как бы там ни было – пусть через религию) темным людям свет, добро, надежду на лучшую жизнь, желание учиться.

В 1905 г. О. Иоанна по причине ухудшения здоровья и в связи с этим его просьбой вернуться в родные места перевели на службу священником в Матурский приход. Возвращается он со всей своей семьей: женой (в девичестве казачкой Зыряновой Пелагеей Петровной 39 лет) и детьми, всего у них было четыре сына и пять дочерей. С присущим ему рвением включается он в миссионерскую деятельность – и прежде всего по своему глубокому убеждению как христианин, а также с чувством нравственного долга перед своей паствой, которая состояла из русских прихожан, минусинских и кузнецких инородцев (шорцев), проживающих вблизи от Матурского стана в аалах, часто посещаемых Отцом Иоанном.

В ежегодном письменном отчете за 1908 год Отец Иоанн пишет: «У нас богослужение в местной церкви совершается на двух языках – на русском и инородческом, и проповедь говорится тоже на двух, потому что в числе инородцев церковь нашу посещают и русские. Предварительно заучив, миссионер проповедь говорит всегда изустно» [41, с. 373]. А это значит, что подготовка к таким богослужениям требовала тщательной подготовки и хорошего знания языков, что и было достоинством О. Иоанна.

В 1913 г. Алтайская духовная миссия командировала И. Штыгашева с миссионерской целью в Урянхай (ныне Республика Тыва). Пытливый и наблюдательный миссионер-просветитель о своей поездке в малоизвестный пограничный с Енисейской губернией край подробно рассказал в сорокастраничной публикации журнала «Православный благовестник»

[42]. В 2006 г. она переиздана стараниями хакасского этнографа А. Гладышевского под названием «Поездка Матурского священника в Урянхайский край в 1913 году» [43]. Это целое исследование, охватившее широкий круг вопросов, характеризующих историю и современное состояние Урянхайской земли. По словам А. Н. Гладышевского, этот историко-этнографический больше по своей особенности труд И. Штыгашева, видимо, был одним из первых, если не самым первым в отечественной исторической литературе об Урянхайском крае. Общественное устройство, социально-экономические отношения, податная система, виды наказаний, свадебные обряды, обычаи и нравы, буддийские монастыри и ламы – так можно кратко передать основное содержание публикации И. Штыгашева.

Поездка И. Штыгашева по Урянхаю продолжалась почти два месяца, во время которого он обратил в христанскую веру 23 человека. Подводя итоги своей миссионерской поездки в Урянхай, миссионер пишет: «Урянхай в деле христианского просвещения – край непочатый, с множеством лам, шаманов, гадателей. Когда-то придет сюда свет Евангелия и озарит эти темные души и омоет их. То дело, на которое мы вызваны сюда, кажется крайне одиноким. Долг и обязанность миссионера невольно вызывают из глубины души больное и угнетающее чувство ввиду полной невозможности успеха. Тут веропроповедника стращает не одна трудность обращения их в православие, но главное – последствие его, когда обращенные в православную веру сойоты без поддержки ее в дальнейшем снова возвращаются в свою языческую и ламскую религию. Вот причина, волнующая в этом краю веропроповедника» [44, с. 69].

Это второе путешествие с миссионерской целью в Урянхайский край отец Иоанн совершил уже в зрелом возрасте (в 52 года), незадолго до своей кончины. Путешествие описано с присущей автору правдивостью, наблюдательностью, ярким и образным языком.

Вскоре после возвращения из Урянхая отец Иоанн почувствовал ухудшение своего здоровья. Видимо, путешествие надломило некрепкое уже здоровье: чахотка и ревматизм прогрессировали, принесли мучительные страдания. 13 ноября 1915 года матурский миссионер, священник отец Иоанн скончался. Похоронен патриот великой России и своей родной земли у церкви, построенной им в Матуре на новом месте.

Анализ жизни и творчества миссионера-просветителя, писателя, поэта И. М. Штыгашева позволяет сделать следующие выводы.

- Дореволюционная история национальных литератур тюркских народов имела много сходного в своем историческом развитии.
- Появление письменности, первой азбуки, первых книг и произведений письменной литературы в дореволюционный период, а именно в 80-е годы XIX века свидетельствует о пересмотре современных тракто-

вок о послеоктябрьском зарождении письменности и современной письменной литературы в Хакасии.

В изучении межлитературных связей, межлитературного диалога важным требованием методологического характера является учет универсального и вполне конкретного фактора в типологическом подходе при рассмотрении художественных индивидуальностей представителей отдельных литератур. Диалог вырастает и на скрещении истории, биографии и других важнейших аспектов общностей, в которых художественное преломление, осознание эпохи происходит через творчество. В связи с этим в становлении хакасско-алтайских литературных связей, немалое значение имеет, на наш взгляд, творчество алтайца Г. И. Чорос-Гуркина.

Миссионер-просветитель И. М. Штыгашев (1861–1915) и художник Г. И. Чорос-Гуркин (1870–1937) – современники, воспитанники Алтайского миссионерского училища, получившие изначально православное духовное образование. Ученые-историки признают, что история православия – сложный процесс межцивилизационного взаимодействия, однако в советский период она почти не изучалась, была запретной. Сегодня очевидно, что православие, выступавшее в качестве официальной, государственной религии, являлось выразителем политики Российской империи, но вместе с тем оно было проводником культуры, цивилизации. Духовные лица принимали активное и непосредственное участие в экономическом развитии своего региона, общественно-политической деятельности и культурном развитии своих народов. Все это в полной мере относится к жизни и творчеству алтайца Г. И. Чорос-Гуркина, ставшего впоследствии талантливым художником, общественным деятелем, писателем.

Исследователь Н. М. Киндикова считает, что из всего написанного о литературном творчестве Г. И. Чорос-Гуркина следует особо выделить статьи искусствоведа В. И. Эдокова, писателя Б. Я. Бедюрова, исследователей З. С. Казагачевой, Э. П. Чичининой и др. Анализируя произведения Г. Чорос-Гуркина, В. Эдоков попытался выявить фольклорные истоки его творчества. В то же время он обозначил жанровое своеобразие его литературных работ. В частности, он отмечал, что в наследии известного алтайского художника Г. Чорос-Гуркина встречаются «газетные статьи и очерки, предисловия к каталогам выставок и комментарии к картинам, дневники и …письма». Далее исследователь подчеркивает, что «особенный интерес представляет и такой литературный жанр, характерный для творчества Гуркина, как стихотворение в прозе» [45, с. 3–9].

В. Эдоков собрал и обнародовал для широкого круга читателей основные тексты произведений Г. И. Чорос-Гуркина, благодаря чему мы имеем возможность говорить об их поэтике. Вслед за В. И. Эдоковым о Г. И. Чорос-Гуркине пишет Б. Я. Бедюров. Акцентируя свое внимание на

переломных моментах в самосознании художника, он констатирует: «…христианизация привела телеутов Улалы не только к племенному, но и религиозному отчуждению от своего народа, корней и основ от многовековой культуры Алтая» [46, с. 39–40].

Г. И. Чорос-Гуркин «в зрелом возрасте после встреч с А. В. Анохиным, Г. И. Потаниным, побывавший в Петербурге, где познакомился с выдающимися людьми, начинает осознавать потребность в возвращении к своим национальным истокам, чтобы определиться по-настоящему как художник, чтобы по-новому осмыслить свое призвание и найти свое место в искусстве». А после путешествия по Алтаю (1902 г.) он осознает себя не просто «инородцем быстрянского уезда», но и «алтайцем в национальном смысле этого слова». Он проявляет интерес к народному искусству, к фольклору, отражавшему не только надежды и чаяния народа, но и его историю. Теперь он не просто много рисует и пишет, а собирает и изучает героические предания, народные сказки, легенды, песни, образцы музыкального и прикладного искусства. Он интересуется всем этим не просто как любитель старины, а изучает основательно, с пристрастием, стараясь найти в народном искусстве традиции, образцы и мотивы для своего творчества. Б. Бедюровым отмечено своеобразие его мировосприятия: «В творчества Гуркина – синтез не только поэзии и живописи, но и синтез религиозно-культурный. Тот, к которому с разных сторон шли как православные миссионеры, так и последователи синкретического бурханизма – белой веры» [47, с. 40].

Литературное наследие известного алтайского художника Г. И. Чорос-Гуркина обнаружено недавно, хотя о нем упоминалось еще при жизни автора («Сибирская газета» за 23 декабря 1907 года). Спустя десятилетия статью о литературном творчестве художника написал искусствовед В. И. Эдоков в сборнике «Алтайский фольклор и литература» [48]. Обратим внимание на то, что жанр его произведений исследователями определялся как очерк (в статье В. И. Эдокова) или эссе (в сборнике «Памятное завещание», составленном писателем Б. Я. Бедюровым, – Горно-Алтайск, 1990). Более точное обозначение жанра находим в вышеупомянутой статье в газете – «стихотворение в прозе». В новой работе, опубликованной в сборнике «Возвращение» (Г. И. Чорос-Гуркин. Судьба. Творчество), В. И. Эдоков признает, что стихотворение в прозе – любимый жанр Г. И. Чорос-Гуркина.

Обнаруженные тексты опубликованы на русском языке в сокращенном варианте. Нас интересует поэтика этих произведений. Первый текст под названием «Алтай» имеет подзаголовок «Плач алтайца на чужбине». В нем высказаны художественно мысли о единстве человека с родной землей. Особенно ярко, эмоционально переданы страдания алтайца на чужбине. Оказавшись вдали от родины, автор обращается к Алтаю, слов-

но к близкому другу. При этом он употребляет самые нежные, ласковые обращения: «мой милый, мой дорогой Алтай» или «мой любимый, мой славный Алтай» и пр. Родная земля предстает перед ним во всех красках радуги. Тут и «цепи гор, с легкой дымкой и прозрачными белками», «изумрудные ледники» и «бурливая красавица Катунь» и др. В целом в произведении дана величественная картина Кан-Алтая. Переполненный чувствами любви к родной сторонушке-девушке, автор задается риторическими вопросами: «Какими красками опишу я тебя, мой славный Алтай? И какою линией очерчу твой стан?». И тут же он находит удачный сравнительный образ, символизирующий силу отчего края, гордость за него: «Уподоблю тебя могучему зеленому кедру. Вот он, пышный, широко разросся во всю ширь и мощь: удало развернул свои ветви на свободе! Крепко цепляясь корнями по расселинам черных скал, взбежал он до грани холодных белков. И там, на просторе, вблизи вечных снегов, где одни лишь туманы гуляют, там он любит, свободно качаясь по ветру, вести с буйным ветром беседу. Таков ты, мой любимый Алтай». Иначе говоря, перед нами возникает словесный образ, воссозданный красками на полотне «Кан-Алтай».

В то же время автор подчеркивает, используя прием сравнения, индивидуальность и патриархальность Кан-Алтая: «Есть другие знаменитые горы, но ты, Алтай, что можешь иметь с ними общего? Ты не так величественен и пышен, как другие горы, но ты девственен, угрюм и нелюдим. В тебе своя красота, своя прелесть. Ты поражаешь своей нетронутостью. Ты как бы бежишь от очей культурных людей. Ты скромен и любишь одиночество! Ты как могучий зеленый кедр, который растет вдали от многолюдных сел и городов, тебе не по душе суета и толкотня людская… Все звери и птицы находили… приют в горах твоих, стада благородных оленей взбегали с долины на утесы и там вместе с бурой медведицей паслись на свободе. Везде царили мир и свобода». Вся эта причудливая картина восстанавливается в памяти автора, точнее в воображении героя, находящегося на чужбине.

Далее передана совершенно контрастная картина, в описании которой чувствуется страдание героя, предвидение автора-пророка о последствиях поступательных шагов цивилизации. Эти строки переданы автором от имени творца земли Ульгеня: «Знал он, что многое утратит красота твоя. Он знал, что его люди, алтайцы, будут угнетены другими народами, которым чужд Алтай. Он знал, что вся эта красота и все богатство Алтая станет достоянием пришельцев. Он знал, что его алтаец, этот скромный хозяин и хранитель алтайских ущелий и преданий, скоро будет вытеснен из зеленеющих долин на сухие, выжженные солнцем утесы. Придут другие и у его сына, алтайца, отнимут его собственность. Отни-

мут обработанную им землю. Его луга и его пастбища, раскопают и вынут из гор золото и чудные благовонные леса повырубят и повыжгут».

Автор прозорливо предчувствовал варварское отношение к природе Алтая, к его жителям, по определению В. В. Радлова, «чистым детям природы». По убеждению автора, Ульгень дал алтайцу свободу, выносливость и дар пения. Обладая ими, он должен выдержать любые испытания времени, выстоять перед любыми невзгодами обстоятельств. Человек един со своей природой, неразлучен со своей родиной – Алтаем. Вот пафос всего произведения.

В подзаголовке стихотворения в прозе под названием «Алтай» (1907) указан его жанр – плач. Однако по содержанию произведения его жанр можно определить скорее как «песня» или «слово». Точнее говоря, Г. И. Чорос-Гуркиным создано слово об Алтае и алтайцах (Алтайы, калыгы учун сос). Тем самым Г. И. Чорос-Гуркин генетически и типологически продолжил традиции поэзии своих предков, воссоединив в жанре «слово» «два более древних жанра – «плач» и «славу» («мактал»)» (по определению Д. С. Лихачева).

В другом произведении («Алтай и Катунь», 1915) использованы национально-специфические образы и сравнения. К примеру, горы Алтая сравниваются со сказочными богатырями в доспехах. В дальнейшем эти сравнения переходят в целостный образ – весь Алтай автором сравнивается с образом богатыря: «Это ты, заколдованный, угрюмый, царственный Алтай!.. Это ты окутался туманами, которые, как мысли, бегут с твоего могучего тела в неведомые страны… Это ты, богатырь, дремлешь веками, сдвинув свои морщинистые брови, и думаешь свои заветные добрые думы…». В целом в стихотворении в прозе переданы страдания алтайского народа, от которых необходимо скорее избавиться. В поэтическом высказывании Г. И. Чорос-Гуркина эти строки звучат так: «река Катунь спешит вынести горе Алтая на широкий простор и разметать его по белому свету».

В очередном лирическом произведении, написанном в Томске, под названием «Алтай» (1918) выражены беспредельная любовь и преданность автора к Алтаю. Поэт особо подчеркивает свое личностное отношение к родине:

Мой Алтай голубой,
Здесь вдали от тебя без твоих долин я скучаю…
Здесь нет высоких гор, нет гремучих ручьев.
Нет быстрых светлых рек,
Шумно стекающих в изумрудные воды Катуни!..
Как художнику, однако, дорога и труд –
быть изобразителем красоты твоей,
великий Кан-алтай!»

Оригинал этих строк написан в жанре стихотворения в прозе. Реконструкция стиха, осуществленная поэтом Б. Бедюровым в 1990 г., помогает увидеть богатство поэтики произведения. Стихотворение состоит из пяти строф, каждая из которых содержит по пять-шесть строк. Существенную роль в нем играют ритмико-синтаксический параллелизм, повторение, кольцевая композиция и др. приемы. Необычны яркие эпитеты и сравнения.

Литературные дарования художника-пейзажиста Г. И. Чорос-Гуркина «основываются на фольклорных традициях алтайского народа» и интересны, прежде всего, тем, что «выражают народные представления о природе Алтая, о любви к ней» [49, с. 100].

Сравнивая художественное своеобразие творчества двух дарований – хакаса И. М. Штыгашева и алтайца Г. И. Чорос-Гуркина, можно обнаружить немало общего и индивидуального. За внешним различием, казалось бы, разнонациональных, разностилевых писателей их художественный мир объединяет общее начало, выражаемое в чувстве любви к родине. Преданность родной земле, коренному народу, желание разделить участь своего народа и стремление оказать ей всемерную помощь присутствуют как основной лейтмотив в автобиографических очерках, стихах И. М. Штыгашева и стихотворениях в прозе Г. И. Чорос-Гуркина.

Чувство любви к родной земле-матушке у обоих писателей безгранично, и в этом они не уступают друг другу. Не имея художественного опыта, не владея арсеналом художественного мастерства, они выражают свои возвышенные чувства искренне и просто – особенно при описании величественной красоты буйной первозданной природы родных мест.

Для стиля хакасского прозаика, наряду с возвышенностью, образностью, характерны натурализм и реалистичность изображения, пронизанные этнографическими деталями. Вот что он пишет в очерке «Поступление…»: «Перед нашими взорами раскинулось необозримое пространство горных высот, представляющих морские волны. В пределах этой очаровательной картины виднелись самые отдаленные горные хребты, из которых, несмотря на свою отдаленность, особенно высовывая свою седую, т. е. вечно снежную голову, наша соседка – Белая сопка Каан-сын, что значит Царица[1] – представительница реки Абакана. Она, как на блюде, раскрывалась перед нами. Долго я стоял, не отводя от нее глаз и любуясь ее красотой. Отдав по обряду языческому долг повиновения земным поклоном горе, мы удалились от места воспоминания о родине».

Г. И. Чорос-Гуркин словно вторит своему собрату по перу, удивительно образно и с огромной теплотой описывая родные алтайские места:

---

[1] Пояснение автора: «Она так называется потому, что, по народному преданью, на ней будто помер какой-то царь от небольшой раны в руке, полученной им, когда он делал саадак (самострел) при наступлении войны».

«И вот среди этого могучего заколдованного царства, среди величественной природы, среди громад голубых гор, среди дремучих темных лесов, по нежным, благоухающим цветами долинам, по золотому дну Алтая течет изумрудная река – красавица Катунь. Глубоко врезалась она в самое сердце Алтая и между ущелий извивалась голубой лентой. Бурная, неугомонная, крепко прижалась она к груди великана и стремительно, с шумом, течет впереди…». (Стихотворение в прозе «Алтай и Катунь»).

Целая поэзия души таится в скрытных, скромных по характеру, но духовно богатых ценителях родных мест. Сходны ключевые слова двух зарисовок: «горы», «река», символизирующие неизменную, жгучую любовь к отеческому краю. «Сказочность» величественной природы превосходит у алтайского автора. Сочность и яркость красок, изобилие эпитетов: «голубые горы», «дремучие темные леса», «нежные, благоухающие цветы», «золотое дно Алтая», «изумрудная река-красавица», «голубая лента» – одухотворяют возвышенные чувства человека, так беспредельно любящего свою малую родину.

Следующая особенность художественного мира двух писателей – тематическая и идейная близость, общность их творчества – обнаруживает неизменную связь человека с природой, но при этом неоднозначно их отношение к таким природным явлениям, как времена года. Значительная мировоззренческая разница в отношении сказанного обнаруживается в словах, вложенных в уста их героев. Вот, к примеру, какие чувства к осени испытывает юный хакас, отправившийся в путь на Алтай для получения знаний:

«В осеннее время дождь, соединяясь вместе со снегом, часто причиняет человеку гибельную лихорадку. В такую-то пору мы и отправились в путь… вершины исполинских перевалов закутывались темными тучами, в которых мы совершенно исчезали… Ветер свистел, деревья скрипели, снег падал большими хлопьями – словом, нам пришлось видеть картину самых ужасных явлений в природе этих безлюдных стран. Вот какие места, какие климатические условия в нашем краю! И всем этим неприятностям отцы-миссионеры, по своей христианской любви и преданности Богу, беспрестанно подвергаются…». Темные мрачные краски осеннего распутья словно олицетворяют темноту и непросвещенность коренного народа в пору 80-х годов XIX века.

Полный контраст этому видим в осенней миниатюре алтайского художника:

«Осень. В горах Алтая стоит теплая, прекрасная погода.

Вся природа переоделась в лучшие наряды. Лиственницы и березы покрылись золотом, стоят, красуются и переливаются на сотни тонов под лучами солнца. Небо лазурное, глубокое, чистое. Воздух нежный, прозрачный. Всюду разлилась гармония мягких нежных красок… Это –

волшебный праздник золотой осени. Это – последняя песнь жаркого уходящего лета. Это – прощальный поцелуй природы до будущей весны…».

С такой необыкновенной нежностью и любовью к любимому времени года может писать зрелый писатель под углом профессионального взгляда художника. Каждое слово в этой миниатюре словно мазок кисти художника, который живет и творит уже в другое время – 20-е годы XX века. Несмотря на время, полное исторических и общественных противоречий, политическое преследование, жизненное неустройство, художник не потерял творческого вдохновения, питаемого от наблюдаемой природы. Стихотворение в прозе «Алтай и Катунь» – поистине гимн родному Алтаю, ее природе и людям.

Следующая точка пересечения в судьбе и творчестве двух выдающихся людей своего времени – неравнодушие к судьбе своего народа, душевная отеческая боль за него, которые проистекают вследствие того, что они, как передовые люди своей эпохи, видят, как сложно и трудно живется их народам под прогрессивным натиском истинной и мнимой цивилизации. Боль за человека, стремление бороться с человеческими и общественными пороками выражена у И. М. Штыгашева еще на исходе XIX века устами главного героя «Поступления…»: «Я никак не мог примириться с нравственностью и образом жизни наших матурцев, я был противник языческих торжеств, на что тратится немало средств, когда как столько вокруг голодающих. К примеру, в жертвоприношение Ульгеню огромное количество браги (более 100 ведер), лапши и мяса поедается и выпивается за 3–4 дня… 15–20 лет назад матурские инородцы жили очень хорошо, не было столь беспробудной бедноты и голодающих детей. Самый бедный из них тот, кто, по крайней мере, имел по два сугума[1]. Но как только появились новые русские поселенцы, под предлогом различных подрядов и казенной работы в ближних золотопромышленных приисках стали водворяться они между инородцами, избрав главным пунктом своим кийский улус. Это ведомство Сагайской Степной Думы Минусинского округа Енисейской губернии, за рекой Матуром; так благосостояние и нравственность инородцев пошатнулось. Из их совместной с инородцами жизни, кроме нравственной порчи и крайней бедности последних, ничего хорошего не вышло: искатели личных выгод, заметив слабохарактерность и безграмотную доверчивость простых людей, стали их обманывать, спаивая водкой. Дикие и чуждые всякого образования, но податливые всем соблазнам, обитатели Матура скоро вошли в самые тесные отношения с новопоселенцами. Дети их стали употреблять в своей речи русские ругательные слова. Вскоре, уже через 5–6 лет, появились у

[1] Сугум – убойный скот.

матурцев недоимки и нужда и, как следствие, их обман и хитрость. Я болел сердцем при виде всего этого…».

Не о том ли писал в начале XX века Г. И. Чорос-Гуркин, прозорливо предсказывая нынешнее состояние Алтая, судьбу алтайца? От имени божества Ульгеня художник пишет: «…этот скромный хозяин и хранитель алтайских ущелий и преданий скоро будет вытеснен из зеленеющих долин на сухие, выжженные солнцем утесы. Придут другие и у его сына, алтайца, отнимут его собственность. Отнимут обработанную им землю, его луга и его пастбища, раскопают и вынут из гор золото и чудные благовонные леса повырубят и повыжгут».

Алтайский литературовед Н. М. Киндикова, исследовавшая поэтическое творчество художника, пишет: «Чорос-Гуркин иносказательно передает великую тайну алтайца, которую до поры до времени никто не осмеливался раскрыть» [50, с. 5]. Сам Г. И. Чорос-Гуркин пишет: «Ульген… вдохнул в сынов Алтая таинственный культ. Все милое и дорогое схоронил он в недрах Алтая. И сторожем над этой тайной поставил сурового Эрлика, которому подчинил всех горных духов, а посредником между ними и людьми поставил шамана.

Ульген дал алтайцу способность жить, как живет орел на утесах крутых скал. Он дал ему отвагу, запалил его сердце, чтобы он без страха ходил над сияющей бездной: наделил его зрением сокола, зрением, различающим предметы на расстоянии нескольких верст.

И вот с тех пор алтаец свободен как птица. Гордо, как орел, с пренебрежением глядит он на богатство многолюдных городов, на дворцы этих жалких людей, рабов золота и утонченной роскоши. И если бы алтайцу дали все это богатство, он бежал бы, как птица бежит от золотой клетки».

Культовые образы божеств и в произведениях И. М. Штыгашева говорят о почитании исконных национальных традиций, показывают знание народных легенд, мифов, что характеризует общность истоков и истории братских народов Южной Сибири.

Простота стиля произведения И. М. Штыгашева, написанного в форме документальных отчетов священника, скромна в отличие от художественного совершенства переживаний алтайского писателя. Яркая образность и душевная эмоциональность, которыми полны его исповеди и монологи, передают свободолюбие, широту души их автора и чувство гордости за принадлежность к своему этносу.

Сопоставительный анализ двух рассмариваемых творческих индивидуальностей позволяет сделать следующие наблюдения, заключения и выводы. Оба писателя безгранично влюблены в свое малое отечество, его природу, оба преданы Родине и родному народу. Но мировосприятие двух православных миссионеров и последователей бурханизма своеоб-

разно. Их творчество представляет собой синтез религиозно-культурных воззрений родных им народов. Они собирали героические сказания, предания, народные сказки, легенды своих народов. К примеру, необычайно увлекателен сюжет «Предания инородцев Кузнецкого округа о сотворении мира и первого человека», записанный И. Штыгашевым (о нем говорилось выше при рассмотрении нами литературного творчества И. Штыгашева). Оказавшись во время учебы в разные периоды своей жизни вдали от родины (один – в Казани, другой – в Санкт-Петербурге), они создают сходные по жанру произведения – «плачи»: И. Штыгашев – плач по поводу смерти брата, Г. Гуркин – «Плач алтайца на чужбине». Эти поэтические произведения полны горечи, тоски по родине, в них просматривается общая идея о неразрывном единстве человека и его истоков. Таким образом, есть основания говорить о становлении и активном развитии в хакасской и алтайской литературах конца XIX – начала XX веков собственно лирических жанров, имевших истоки в древнетюркской литературе.

Немало различного просматривается в художественном мире и мастерстве И. М. Штыгашева и Г. И. Чорос-Гуркина. Произведения Г. И. Чорос-Гуркина заслуживают достойного прочтения, а его поэтический талант признания в силу глубины поэтической мысли, разнообразия использованных изобразительно-выразительных средств, образной насыщенности. Только в силу того, что алтайский писатель жил и творил в более позднее время, по своим мировоззренческим и эстетическим взглядам он гораздо мобильнее и ближе к современной действительности. Он дальновиден в общечеловеческих тревогах, по общественным взглядам глобален в видении социального переустройства жизни народов Южной Сибири.

Все это говорит о том, что во второй половине XIX – начале XX века создана определенная поэтическая культура; именно со второй половины XIX века необходимо усматривать истоки современных письменных литератур Алтая и Хакасии (В Хакасии с 1884 г. – с появлением первого произведения И. М. Штыгашева), развитие которых продолжится в последующие годы. На примере произведений Г. И. Чорос-Гуркина отчетливо прослеживается становление национального художественного сознания, основанного на поэтике фольклора и письменной литературы. На примере же произведений талантливого одиночки-энтузиаста И. М. Штыгашева прослеживаются зачатки национального художественного мышления, становление предоктябрьского литературного процесса хакасской литературы как такового. Этот факт доказывает развитие письменных литературных традиций в дооктябрьские годы.

Было бы антиисторично не учитывать даже непрочные литературно-письменные традиции рассматриваемого времени. Первым писателям приходилось быть одновременно и активными творцами родного языка.

Дальнейшая общность в развитии алтайской и хакасской лирики во многом зависело от того, насколько полно они воспримут и освоят этноэстетические традиции своих предшественников. Однако с установлением Советской власти в Хакасии и на Алтае, как известно, возникли объективные трудности, связанные с идеологизацией литературы, разного рода запретами на обычаи, традиции народа, религию. Имя и литературная деятельность И. М. Штыгашева долгое время оставались в забвении; трагически сложилась и судьба Г. И. Чорос-Гуркина, подвергшегося репрессиям в 30-е годы (об этом мы подробно говорили выше). С произведениями И. М. Штыгашева и Г. И. Чорос-Гуркина читатели познакомились лишь в 90-е годы XX века, а широкому кругу читателей Хакасии эти имена и сегодня еще малоизвестны. Алтайская лирика отчасти возродилась только в 20-е годы прошлого столетия, чуть позже, в 30-е годы, имела свое развитие и хакасская лирика. Перенимание опыта у более развитых литератур, главным образом у русской, являлось для них жизненно важным на данном этапе становления и развития.

Таким образом, сказанное выше позволяет резюмировать следующее:

- В дооктябрьский период в рассматриваемых литературах наблюдается рождение отдельных жанров (например, автобиографической повести, стихотворения в прозе), происходит становление эпических и публицистических жанров (путевой очерк) и развитие фольклорных жанров, имевших последовательное развитие в тюркоязычных литературах Сибири (плач).
- Изучение первоначальных литературных взаимосвязей позволяет выявить историко-литературные закономерности, помогает познать духовные культуры народов (фольклор). Истоками взаимовлияния алтайской и хакасской литератур стали межнациональные контакты представителей первых интеллигентов (С. Д. Майнагашева и Г. И. Чорос-Гуркина).
- В дооктябрьский период появляются такие формы хакасско-алтайских взаимосвязей, как публикации, к числу которых относятся не только научные труды В. Радлова, Н. Ядринцева, Г. Потанина, В. Вербицкого, но и первые опыты письменной хакасской литературы. Также активизируются межличностные контакты общественных деятелей Алтая и Хакасии, развивается переводческая деятельность, первоначально имевшая место в творчестве М. Чевалкова (переводы басен И. А. Крылова), затем в переводческих работах И. М. Штыгашева (переводы азбуки, религиозных текстов).

Научное издание

Чертыкова Анна Алексеевна

ХАКАССКО-АЛТАЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ИСТОРИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ)

Редактор – В. П. Антонов
Компьютерное обеспечение Ю. С. Танбаевой

Подписано в печать 7.04.2011. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать – ризограф. Бумага офсетная.
Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 9,8.
Тираж 50 экз. Заказ № 63.

Издательство ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»
Отпечатано в типографии ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
655017, г. Абакан, Ленина, 90а; тел. 22-51-13; e-mail: izdat@khsu.ru